

Образованность Бродского

Несмотря на свои двойки, в том числе и по английскому (у того, кому предстояло стать признанным мастером английской эссеистики), Бродский неплохо усвоил школьный запас знаний. В первую очередь это относится, конечно, к превосходному пониманию русской грамматики. Как свидетельствуют его юношеские рукописи и письма, писал он не только свободно, выразительно, с хорошим чувством композиции, но и очень грамотно. Некоторые устойчивые отступления от правил, как, например, написание *-и* вместо нормативного *-е* в предложном падеже единственного числа существительных типа «существовань», употребление глагола *суть* с подлежащим в единственном числе или отказ от пользования вопросительным знаком, носили обдуманый, принципиальный характер. Он глубоко вдумывался в родной язык. Сохранилось письмо, которое он написал в 1963 году по поводу предлагавшейся реформы правописания. Молодой человек без формального образования объяснял ученым лингвистам-реформаторам, что унификация правописания во многих случаях приводит к обеднению психологии говорящего: «Сложность языка является не пороком, а – и это прежде всего – свидетельством духовного богатства создавшего его народа. И целью реформ должны быть поиски средств, позволяющих полнее и быстрее овладевать этим богатством, а вовсе не упрощения, которые, по сути дела, являются обкрадыванием языка»⁶⁴.

63 МС. Т. 1. С. 141. Эти неопубликованные стихи многим запомнились. Бродский часто читал их на публичных выступлениях, и они ходили в самиздате (см.: *Пикач А. И от чего мы больше далеки? // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 181–187*). К «джазовым» стихам того периода также можно отнести «Богоматери предместья, святые отцы предместья, святые младенцы предместья...» (МС. Т. 1. С. 65–66), части «Июльского интермеццо» (*СИБ-2. Т. 1. С. 68–78*) и «От окраины к центру» (там же. С. 201–204). О «джазовой поэтике» Бродского см. *Петрушанская 2002*.

64 *Гордин 2000. С. 140* (в книге Гордина письмо приводится полностью).

Хорошее знание истории, в особенности классической античности, и географии Бродский получил более из самостоятельного чтения, чем из школьных уроков. В целом школа отложилась в памяти как источник скуки и других неприятных ощущений. Годы спустя он написал лирическое стихотворение, где воспоминание следует за расписанием уроков одного школьного дня в шестом классе: древняя история, физкультура, затем, возможно, русский язык, физика и геометрия:

Темно-синее утро в заиндевевшей раме
напоминает улицу с горящими фонарями,
ледяную дорожку, перекрестки, сугробы,
толчею в раздевалке в восточном конце Европы.
Там звучит «Ганнибал» из худого мешка на стуле,
сильно пахнут подмышками брусня на физкультуре;
что до черной доски, от которой мороз по коже,
так и осталась черной. И сзади тоже.
Дребезжащий звонок серебристый иней
преобразил в кристалл. Насчет параллельных линий
все оказалось правдой и в кость оделось;
неохота вставать. Никогда не хотелось.

(ЧР)

В раздевалке толчая, учитель истории похож на худой мешок, в спортзале воняет немывтым телом, от классной доски мороз по коже, электрический звонок в физическом опыте дребезжит – все школьные впечатления неприятны. Возможно, самым важным для будущей жизни опытом школьных лет стал как раз волевой акт ухода. Бросить школу, выломиться таким образом из системы, было поступком необычным, радикальным. Вопреки официальному прославлению рабочего класса, детям повседневно вдалбливалась мысль, что без высшего или среднего образования они обречены на прозябание в подножии социальной пирамиды. В школе и в семьях подросткам постоянно грозили; «Не кончишь школу – будешь грузчиком!» (или дворником, заводским рабочим, колхозником). Для городского подростка из среднекультурной семьи уход из школы означал превращение в не такого, как все, хуже других, изгоя.

Уйдя из школы почти сразу по достижении того возраста, когда это позволялось законом, Бродский еще пытался продолжить формальное образование – записался в вечернюю школу⁶⁵, посещал вольнослушателем лекции в университете. Однако то, что в конце концов он стал широко и в некоторых областях знания глубоко образованным человеком, объясняется только его неустанным самообразованием. Еще в молодые годы он самоучкой в совершенстве овладел английским и польским, позднее читал со словарем латинские, итальянские и французские тексты, а в последние годы жизни начал изучать китайский язык. В юности вместе с учившимися в университете друзьями он проштудировал основы языкознания по классической «Философии грамматики [Linguistica]» Йенса Есперсена, занимался историей философии, европейской и восточной, много читал по пушкинской эпохе, пользуясь, в частности, профессиональной библиотекой покойного пушкиниста Б. В. Томашевского. Всю жизнь он не расставался с лучшей из всех российских энциклопедий, «Энциклопедическим словарем» издательства Брокгауза и Ефрона, к которой в Америке прибавилась «Encyclopedia Britannica». Судя по всему, он особенно внимательно

65 Бродский неоднократно говорил, что среднюю школу ему кончить не удалось (см., например, *Волков 1998*. С. 25; *Интервью 2000*. С. 414), но в конце 1963 г. он писал в редакцию газеты «Вечерний Ленинград», опровергая возведенную на него клевету, в том числе, что он «недоучка, не окончивший даже среднюю школу»: «Я получил среднее образование в школе рабочей молодежи, так как с пятнадцати лет пошел работать на завод. Я имею соответствующий документ – аттестат зрелости, который готов предъявить в любую минуту» (цитируется в кн.: *Гордин 2000*. С. 168). Возможно, он имел в виду справку об обучении в вечерней школе.

читал в «Брокгаузе» замечательные статьи В. С. Соловьева по истории философии и религии. Сам Бродский полшутя говорил, что приобретает знания «by osmosis» (осмотически). К этому виду самообразования следует относиться серьезно. Среди его близких друзей были выдающиеся лингвисты, литературоведы, историки искусства, композиторы, музыканты, физики и биологи, а Бродский был известен своей способностью дотошно расспрашивать знатоков об интересующих его предметах. Близко знавший Бродского А. Я. Сергеев пишет: «Иосиф страшно много ловил из воздуха. Он с жадностью хватал каждый новый item [англ.; здесь: сведение] и старался его оприходовать, усвоить в стихах. Можно сказать, ничего не пропадало даром, все утилизировалось – с невероятной, ошеломляющей ловкостью»⁶⁶.

Недостаток систематического образования сказывался у Бродского не столько в том, что в его познаниях были пробелы – их он по мере надобности заполнял, сколько в отсутствии навыков дисциплинированного мышления. Мыслить для него означало выстраивать цепочку силлогизмов, не заботясь о проверке каждого очередного звена эмпирикой и без критического анализа. Скажем, основная тема его нобелевской лекции может быть сведена к логической цепочке: искусство делает человека личностью, стало быть, эстетика выше этики; высшей формой эстетической практики является поэзия, стало быть, поэтическое творчество есть окончательная цель человечества как вида. В интеллектуальном дискурсе каждая стадия этого размышления может быть оспорена и требует доказательств: действительно ли искусство было орудием индивидуации первобытного человека? Существует ли иерархия видов творчества и если да, то в чем преимущество поэзии перед философией, драмой или музыкой? Есть ли вообще у человечества как вида «цель»? Примерно с таких позиций Бродскому и задавали вопросы после его выступления в Шведской академии наук. И действительно, если бы он предлагал философский трактат, его можно было бы обвинить в нефундированных высказываниях, в подмене терминов и прочих прегрешениях, характерных для дилетантов-самоучек. Но «формально-логические» построения, нередко встречающиеся в стихах и в прозе Бродского, суть не более, чем поэтические приемы – стилизации и пародии, его «силлогизмы» – зачастую парадоксы, выведенные не дедуктивным и не индуктивным, а интуитивным путем.

В эпоху тренья
скорость света есть скорость зренья;
даже тогда, когда света нет, —

пишет он в заключение «Лагуны» (ЧР). Бродский выводит пародийный закон физики («скорость света есть А при условии Б») для того, чтобы придать характер неоспоримой истины субъективному метафизическому опыту человека, выброшенного в незнакомую среду. Перенос качества с одного на другое – метафора, мышление по аналогии, слишком рискованно в рациональном мышлении, но является основой художественного творчества. В позднем творчестве Бродский иногда гротескно обнажает эту основу искусства – мышление по аналогии: некоторые лежанки называются «софа» и некоторых женщин зовут «Софа», у лежанки есть ножки и у женщины они есть, «стало быть», софа и Софа – одно и то же, «кентавр» («Кентавры», ПСН).